

Патриарх Никон
и его противники в деле исправления
церковных обрядов, Н.Ф. Каптерев

Г Л А В А V.

Патриаршество Иосифа замѣчательно и въ томъ отношеніи, что въ его время со стороны свѣтскаго и духовнаго правитель-ства проявляется особенная заботливость о распространеніи у насъ просвѣщенія. Эта заботливость сказывается прежде всего въ усиленномъ изданіи разныхъ отеческихъ произведеній и книгъ учительнаго характера въ родѣ Кирилловой книги, книги о Вѣрѣ, малаго Катихизиса (который издается, какъ говоритъ предисловіе, „ради ученія и вѣдѣнія всемъ православнымъ христіаномъ, наипаче же дѣтемъ учащимся“), общеобразовательныхъ, въ родѣ грамматики Мелетія Смотрицкаго. При изданіи самыхъ церковныхъ книгъ видна та же заботливость о распространеніи просвѣщенія. Иосифовскіе книжные справщики вносятъ въ наши церковныя книги разныя не печатавшіяся въ нихъ ранѣе статьи, которыя бы содѣйствовали болѣе сознательному и разумному усвоенію церковныхъ книгъ, вносили бы въ чтеніе ихъ большую осмысленность и оберегли бы читателей отъ разныхъ грубыхъ ошибокъ и погрѣшностей. Съ этою именно цѣлію въ Псалтирь на примѣръ, эту самую любимую и распространенную между грамотными книгу, вносится особая статья о великомъ значеніи креста для христіанина, о томъ, какъ слѣдуетъ знаменоваться крестнымъ знаменіемъ и что этимъ исповѣдуются; или же вносится такая статья: „наказаніе ко учителемъ, како имъ учить дѣтей грамотѣ, и како дѣтемъ учиться божественному писанію и разумнію“²; причемъ указываются и тѣ грубыя ошибки, въ которыя могутъ впасть обучаемые и на что учителямъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе; рекомендуется, чтобы ученики

читали неспѣшно, усвоили бы разумъ читаемаго, такъ какъ гримотное ученіе „дѣло Божіе есть“, и потому не допускаетъ небрежности. А самимъ учителямъ, если они окажутся не особенно свѣдущими, рекомендуется: „и вы зрите въ самую грамматику, и въ ней подробну вся узрите“.

Сознаніе необходимости не только осмысленнаго чтенія церковныхъ книгъ, необходимости усиленія религіознаго просвѣщенія, но и сознаніе необходимости правильнаго научнаго образованія все болѣе укоренилось въ передовомъ русскимъ обществѣ времёнъ патріарха Іосифа. Съ особенною силою и убѣдительностію говоритъ объ этомъ предисловіе къ грамматикѣ Смотрицкаго. Здѣсь прежде всего указывается на то, что знаменитѣйшіе отцы церкви: Афанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Дамаскинъ и другіе святые изучали различныя науки: грамматику, философію, риторику, землемѣріе, астрономію; что ради обученія наукамъ они покидали родину и посѣщали различные города, гдѣ только находились каіе-либо знаменитые учителя; что они не только сами изучали различныя науки, но и считали изученіе ихъ необходимымъ для всѣхъ уроковъ правильнаго пониманія и усвоенія Св. Писанія, необходимымъ условіемъ истинно-христіанскаго міросозерданія и даже самой христіански-благочестивой жизни. Въ виду этого составители предисловія съ особенною силою вооружаются на противниковъ и презрителей внѣшняго научнаго образованія. „И внѣшнее (образованіе), говорятъ они, еже мнози отъ христіанъ ненавидятъ и отшесутъ, яко пакостно и навѣтно и отъ Бога разлучающа, — *еа же многоють зль разсуждающе*; ибо понеже нѣши отъ внѣшня премудрости повредишася умомъ, восхотѣвши смыслити о небеси и о прочихъ тварехъ, мы же о сихъ добръ разумѣвающе, елика потребна къ животу и наслажденію сія плодствимъ, елика же вреждающа, отметаемъ... тако убо и о еллинскихъ ученій: елика есть *решытательно и зрительно* сущихъ по естеству сія пріяхомъ, елика же *дестна и пагубна*, сирѣчь боготоренія бѣсовомъ и другая, подобная симъ, отвергохомъ, паче же отъ тѣхъ ученій пользовахомъ благочестивіи. Тѣмъ же *не подобаетъ укоряти и безчествовати наказанія, якоже мнится* нѣкимъ *неискуснымъ* сущимъ и *не имущимъ* разума, еже раздѣ-

лити лучшее отъ горькаго; азъ убо глаголю, яко иже безче-
стуютъ наказаніе, ти сами немаказани суще и велятъ всѣмъ
ненаказаннымъ быти, даже отъ нерадвія злая творяще, не обли-
чаеми будутъ по реченному, яко отринута чувство и обличаю-
щаго во вратѣхъ возненавидѣша; всѣ бо исповѣдуемъ, яко чест-
нѣйше есть ученіе въ насъ и наказаніе сущихъ благъ.“ Ука-
зываются примѣры святыхъ искателей любомудрія. „Къ сраму
же и затканіе устъ неблагопріятныхъ и поношающихъ быти лю-
бомудрію, да посрамятся убо иже не внимающіи во ученіе сло-
весы богословецъ, паче же и укоряюще сіе и инѣмъ возбра-
няющіи, воспрославятъ же ся отъ Бога и чловѣкъ, иже то про-
ходящія... Простится же убо еже ненаученія согрѣшеніе, аще
точію не отъ лѣности происходитъ. А еже съ ненаученіемъ имѣ-
ти разума киченіе, люто есть и ненавистно, и прощенія всякаго
недостойно, и болѣе да не глаголю крайняго ненаученія знаме-
нія“... Съ особенною силою возстаеъ претивъ тѣхъ „иже въ
писаніихъ божественныхъ словесъ разуму непрележаще“, кото-
рые говорятъ, „яко нѣсть нужда еже испытovati писанія и уче-
нія многа.“ Возражающимъ, что въ Св. Писаніи много „неудобо-
разумна намъ являются“ и потому читать и понимать его трудно,
дается совѣтъ „недовѣдомая“ прочитывать много разъ, а если
и послѣ этого оно останется непонятнымъ, „ниествуй къ премуд-
рѣйшему учителю и вопросы глаголемыхъ и много покажи по-
тищаніе“ и тогда Господь, видя твое усердіе „откроетъ ти всяко“.
Въ частности, въ послѣсловіи о необходимости изученія для
каждаго грамматики говорится, что не изучившій ея „и въ писа-
ніихъ покушаяся изслѣдити, аще и зѣло преимѣя разумомъ бу-
детъ, всячески погрѣшити имать: како бо кому зыти возможно
на послѣднія степени, первыхъ не причащшуся; или како разрѣ-
шити возможно въ писаніихъ обрѣтаемыя творческія силлогизмы,
паче же писати и читати и глаголати добръ, аще не сей кто
первѣе пріобщився“ ¹⁾?

Но одними заявленіями о важности и необходимости научнаго
образованія при патриархѣ Іосифѣ уже не ограничились, а стали

¹⁾ Делашнимъ считаеъ сопоставить эти воззрѣнія дѣйствительныхъ книжнѣхъ

дѣтельно стремиться основать въ Москвѣ, съ помощію ученыхъ кievлянъ и грековъ, настоящую школу, въ которой бы русские могли получать правильное научное образованіе. Въ 1670 году намѣстникъ кievскаго митрополита старецъ Игнатій, будучи въ Москвѣ, подалъ государю челобитную, въ которой, отъ имени

Иосифовскихъ справщиковъ на науку и научное образованіе съ тѣми возрѣваніями на этотъ предметъ, которыя имѣли *предполагаемые* книжники Иосифовскіе справщики: Аввакумъ, Лазарь и др., чтобы еще разъ видѣть всю, прямо бросающуюся въ глаза несообразность этого предположенія. Аввакумъ говоритъ, что Діонисій Ареопагитъ «прежде даже не пріити въ вѣру Христову, хитрость имѣи исчислати бѣги небесные; егда же вѣрова Христова, вся сія вѣдѣнья быти яко умѣти. Къ Тимоеею пишеть въ книгѣ своей, сице глагола: дѣти, аки неразумѣшь яко вся сія вѣдѣнья блядѣ ничтоже суть, но токмо прелесть, и тля и пагуба... Исчислати бѣги небесные любяте погибающіи, понеже любве истинныя не пріима, во еже спастися имъ: и сего ради послеть имъ Богъ дѣйство лъсти, во еже вѣровати имъ иже, да судъ примуть невѣровавшіи истинѣ, но благоволиша о неправдѣ». Въ другомъ мѣстѣ: «Алманашики и звѣздохетцы и вси зодѣйщики позовали Бога вѣдѣнью хитростію, и не яко Бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьми, угодобляхиса Богу своею мудростію начинающе, якоже первый блядливый Невродъ, и по немъ Зевесъ прелагатыи, блудоудѣи. и Ермисъ піаница, и Артемида любодѣвица, о нихъ-же Гранографъ и вси кронники свидѣтельствуютъ, тоже по нихъ бывше Платонъ и Пинагоръ, Аристотель и Диогенъ, Иппократъ и Галинъ: вси сіи мудри быша и во адъ угодиша... Все христіане отъ апостоль и отъ отецъ святыхъ научени быша смиренію, и кротости и любви величезѣрной; съ вѣрою непорочною и постомъ, и со смиренною мудростію, живуще въ трезвости, достигаютъ не мудрости вѣдѣнныя поразумѣвати и луннаго теченія, но на самое небо восходятъ смиреніемъ... Видѣ, гордождѣи и алманашики, гдѣ твой Платонъ и Пинагоръ! Тако ихъ, яко свиней, вси събли и память ихъ съ шумомъ погубе, гордости ихъ и угодобленія ради Богу. Мои же святіи, смиренія ради и долготерпѣнныя, отъ Бога прославишася и по смерти обоготворени быша, понеже и тѣлеса ихъ являютъ въ нихъ живущую благодать Господню, чудесными и знаменными яко солнце повсюду сіяють... «Такъ то и нынѣшніе алманашики, слышавъ я, мало покою имѣють себѣ: и ветка испражлять пойдеть, а въ книжку доглядять, здороволь испражлять. Свинны и коровы болши васъ знаютъ, предъ погодою визжать, да ревутъ, да подъ повѣти бѣгутъ: и послѣ того дождь бываетъ. А вы, разумные свинны, лице небу и земли измѣряете, а времени своего не искушаете, како умѣреть. Горе, да только съ вами, съ толстыми бѣдами! «И кромѣ философіи и кромѣ риторики и кромѣ грамматики мощно есть вѣрно суку препрети всѣхъ противящихся истинѣ».—«И мы, Михайловичъ, станемъ поучатися, какъ намъ умерети и умъ впередъ къ Богу всегда да покажи намъ будеть тамо, егда обратимся со Христомъ, нежели съ рито-

митрополита Петра Могилы, заявляя, что „ширенний отецъ; митрополитъ кievскій Петръ, паче вѣсѣхъ прошеній своихъ, изрядное бьетъ челомъ твоему царскому величеству, пожалуй, благочестивый царь, и повели въ царствующемъ своемъ градѣ, благодатию и казною своею царскою, монастырь соорудить, въ которомъ бы старцы и братія общежительнаго кievскаго брат-

рикою славы лица, быти кромѣ Христа. Молю Бога ввечеръ и утро и полудне еже бы тебѣ не желати риторикѣ киченія ради, но искати распятаго Христа.— Христосъ не училъ насъ диалектики и ни краснорѣчiя, потому что риторъ, ни философъ не можетъ быти христіанинъ. Аще кто отъ христіанъ не истощитъ отъ своего помышленія всяку премудрость вѣннюю и всяку память эллинскихъ философъ, спастися не можетъ. Премудрость эллинская мати всѣмъ лудавымъ дохматомъ. Сократа философа эллинскаго впи събли, Платона въ ссылку сослали и тамо злѣ исчезъ, понеже хотѣлъ ново житіе въ людехъ поставити». (Матер. для ист. раск. V, стр. 3, 298—299, 334—335; 1, стр. 683—686). Дьяковъ Федоръ свой взглядъ на значеніе науки и образованія вообще высказалъ въ своемъ разговорѣ съ иконіискимъ митрополитомъ Азанасіемъ. Митрополитъ спрашивалъ Федора: «Платона и Аристотеля читаль-ли»?—Федоръ: «которая польза такіа книги честь? Не чту азъ таковыхъ книгъ».—Митрополитъ: «а когда ты не читаль, незнаеша ничего».—Федоръ: «на что мнѣ твѣ книги чести эллинскихъ безбожныхъ поганыхъ философъ, которыя въ болваны вѣровали и о тщетной мудрости упражнялися, а спасенія себѣ не искали!»—Митрополитъ: «а грамматику училъ ли, или читаль?»—Федоръ: «разумѣю отчасти; грамматика не вѣрѣ учить, но какъ какое слово добръ глаголати и правѣ писати. То мое о Христѣ ученіе: восточныя святыя церквы книги и правыя догматы. Митрополитъ: «а богословію училъ ли еси»?—Федоръ: «Богословію Христа моего разумѣю отчасти,—потрудился; отче,—и сего ради добръ во Христа вѣрую и вѣмъ».—Въ другомъ мѣстѣ Федоръ такъ опредѣляетъ кругъ необходимыхъ знаній: «И ты, чадо мое животное, Максиме, аще знаеша тѣхъ мнящихся быти учителей и наставниковъ по гибели и во тмѣ невѣдѣнія шатающихся, вели имъ прочести съ трезвымъ умомъ и съ чистою совѣстію четыре Христова евангелія, изряднѣе же сына Громова богословіе, и прочіихъ святыхъ апостолъ проповѣдь вселенную, и святыхъ седми соборовъ и девяти помѣстныхъ дѣянія и правила ихъ провѣи, къ сѣмъ же святыа учительныя слова прочести съ разумомъ и со извѣстнымъ цѣлитаніемъ, да къ тому же и вся службы на господскія двундцатія праздники просмотрити, стихѣры и славники, и irmosы и каноны, богомудрыхъ творцовъ гранесія, да научатся отъ всѣхъ тѣхъ и громогласно съ нимже всѣми святыми согласно исповѣдати въ Троицѣ единаго Бога». (Ibid. VI стр. 54, 101). Съ своей стороны Лазарь въ челобитной государю, говорить: царю благородный, вѣмъ ты благоразумна и мудра суца и чуждуса, како времени сего не испитюеша! Имѣеша у себя мудрыхъ философъ, разсуждающихъ лице небеси и земли и у звѣздъ кво-

скаго монастыря живучи, о твоёмъ царскомъ величествѣ и о благовѣрной царицѣ твоей и о Богомъ дарованныхъ царскихъ чадѣхъ величества твоего безпрестанно Бога молили и дѣтей боярскихъ и простаго чину грамотъ греческой и словянской учили. Дѣло то Богу угодно будетъ и твоему царскому величеству честно, и во всѣхъ странахъ преславно. Аще возможно величеству твоему въ семь прошенію отца митрополита кievскаго пожаловати благодатно, яко милосердый царь и свѣтило всему православному роду россійскому, по воли своей государской сотвори, а отецъ митрополитъ кievскій твою государскую волю векорѣ исполнить и старцовъ со учителями пришлетъ¹⁾). Но на этотъ разъ предложеніе кievскаго митрополита въ Москвѣ не было принято. Тогда, въ 1648 году, въ Москву прибылъ за милостынею палеопатрасскій митрополитъ Теофанъ, который подалъ царю особую челобитную, и въ ней между прочимъ заявлялъ: „да повелиши быть (въ Москвѣ) греческой печати и пріѣхати греческому учителю учить русскихъ дѣтей философіи и богословія греческаго языка и по русскому“. Ходатайство Теофана принято было въ Москвѣ благосклонно, тѣмъ болѣе, что онъ самъ вызвался подыскать для московской школы подходящаго учителя и дѣйствительно прислалъ въ Москву „для печати и ученія“ константинопольскаго архимандрита Венедикта. Но въ Москвѣ Венедиктъ, своимъ учительскимъ самохвальствомъ, мелочною притязательностію и неблаговидными поступками произвелъ крайне непріятное впечатлѣніе и потому былъ отосланъ назадъ. Послѣ этой неудачной попытки основать школу въ Москвѣ съ помощію грековъ, постельничій Федоръ Ртищевъ рѣшился привести въ исполненіе проектъ, въ 1640 году предложенный кievскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою, объ основаніи въ Москвѣ монастыря, въ которомъ бы вызванные изъ кievскаго братскаго монастыря иноки „дѣтей боярскихъ и простаго чину грамотъ греческой и словянской учили“. Съ согласія и по бла-

сты архиноиомъ измѣряющихъ: и таковыхъ глаголетъ Спасъ лицемѣры быти, яко времени сего не испытають, а ты, государь, таковыхъ честныхъ инаши и различными брашны питаеши и благовонными питіями напоеши, и хоцещи въишними ихъ плетухами власть свою мирну управити» (Ibid. IV, 252).

¹⁾ Ак. юг.-зап. Рос. т. III, № 33 и 44.

гословенію патріарха Іосифа возникаетъ близь Москвы Андреевскій монастырь и населяется иноками изъ разныхъ южно-русскихъ монастырей. Въ 1649 году само правительство вызываетъ въ Москву ученыхъ киевлянъ для перевода Библии съ греческаго языка на славянскій и какъ значитса въ одной официальной справкѣ, „для риторскаго ученія“^{*)}. Въ 1649 году въ Москву пріѣзжаетъ іерусалимскій патріархъ Паисій, а съ нимъ его дидаскаль, грекъ Арсеній, который ранѣе жилъ въ киевской Руси и зналъ славянскій языкъ. Наше правительство оставляетъ Арсенія въ Москвѣ въ качествѣ учителя риторики въ имѣющейсѣ открытсѣ въ Москвѣ школѣ. Но этого мало. Царь обратился съ просьбою къ бывшему тогда въ Москвѣ іерусалимскому патріарху Паисію, чтобы онъ по возвращеніи на востокъ позаботился пріискать между учеными греками благонадежнаго учителя и прислалъ его для учительства въ Москву: объ этомъ свидѣтельствуегъ грамота патріарха Паисія къ царю въ 1663 году, въ которой онъ, посылая въ Москву въ качествѣ учителя для московской школы, митрополита Навпакта и Арты Гавріила, пишетъ: „повелѣли намъ, богомольцу вашему, радѣти и обрѣсти единаго учителя премудраго и православнаго, и не имѣлъ бы никакого пороку во благочестивой вѣрѣ, и былъ бы далече отъ еретиковъ, и послати бъ намъ іво ко святому вашему царствію поклонитеса, да ученитъ учительство и учить эллинскій языкъ, якоже она есть древня отъ иныхъ языкъ, понеже она корень и источникъ инымъ“. Въ то время, когда Ртищевъ и самъ государь озабочивались устроить въ Москвѣ школу, которая бы служила разсадникомъ научнаго просвѣщенія для русскихъ, и патріархъ Іосифъ, съ своей стороны, тоже хлопоталъ о томъ, чтобы подыскать на востокъ между православными учеными греками подходящаго благонадежнаго учителя для московской школы. Хлопоты объ этомъ патріархъ возложилъ на известнаго грека Ивана Петрова Тафрала, служившаго нашему правительству въ качествѣ тайнаго агента по сношеніямъ съ православнымъ восточкомъ. Иванъ Петровъ исполнилъ порученіе патріарха Іосифа и въ 1649 году доносилъ ему: „даю вѣдомость о нѣкоторомъ

^{*)} Малороссійскія дѣла, св. 5, 1652—1653 г. № 16. Въ одномъ рукописномъ источникѣ XVII вѣка тоже говорится, что Епифаній былъ вызванъ царемъ въ Москву «ради наученія славно-россійскаго народа дѣтей эллинскому наказанію» (опис. синод. библиот. отд. II, 3 № 291, стр. 427).

учителѣ смышленномъ эллинскому языку и разсудителя евангельскому слову и имя ему Медентій, прозвище Сирихъ, что такова учителя втораго не обрѣтается во всей вселенной и ни въ которомъ мѣстѣ, и дажь свое слово—хотѣмъ придти сюда къ благочестивому царю и святѣйшеству вашему. А будетъ изволеніе благочестиваго царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, самодержца всея Руси и произволеніемъ святительства вашего, изволите дати грамоту мнѣ, да онъ придетъ сюда, и челомъ бью, да мнѣ о томъ учини указъ и подай отвѣтъ“⁴⁾.

Такимъ образомъ уже во время патріарха Іосифа въ извѣстной части передоваго московскаго общества ясно была сознана несостоятельность нашей предшествующей умственной жизни, открыто была признана необходимость науки и образованія и какъ естественный результатъ этого сознанія уже при Іосифѣ явились усиленные хлопоты объ учрежденіи въ Москвѣ правильно организованной школы, во главѣ которой стояли бы или ученые кіевляне, или ученые греки⁵⁾. Слѣдовательно, тотъ

⁴⁾ О попыткахъ устроить въ Москвѣ школу съ помощію грековъ см. нашу книгу: Характ. отнош. Рос. къ прав. востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ стр. 477 и слѣд.

⁵⁾ Обыкновенно всѣ заботы объ устройствѣ въ Москвѣ школы и вызовъ ученыхъ кіевлянъ и грековъ въ Москву стараются приписать влиянію Никона, видя въ этомъ только его личное дѣло. Но думать такъ несправедливо. Никонъ, насколько теперь извѣстно, вовсе не заботился объ устройствѣ въ Москвѣ школы. Это видно изъ слѣдующаго. Когда Іерусалимскій патріархъ Паисій былъ въ Москвѣ (1649), то царь, конечно съ согласія и одобренія патріарха Іосифа, просилъ Паисія, чтобы онъ и другіе патріархи прислали на востокъ хорошаго, строго-православнаго учителя грека и прислали бы его въ Москву для учительства. Паисій исполнилъ эту просьбу царя только въ 1653 году, когда московскимъ патріархомъ былъ уже Никонъ. Въ качествѣ учителя Паисій прислалъ въ Москву митрополита Навпакта и Арты Гавріила Власія, о которомъ писалъ царю: «избрали есми достойнаго о такомъ дѣлѣ, яко сего преосвященнаго Навпакта и Арты, пречестнаго экзарха всеа Італіи, премудраго учителя и богослова великія церкви Христовы, о Святомъ Дусе возлюбленнаго брата нашего и сослужителя нашего смиренія, господина Гавріила Власія, якоже такова въ нынѣшнихъ временахъ въ родѣ нашемъ не во многихъ обрѣтается... А только будетъ производить царствіе ваше быти учительству, и онъ готовъ есть побыти, колико время ему возможно, а мы ему такоже общались, что ему имѣти волю свою, а будетъ благодарить великое ваше царствіе. И онъ побудеть и много время, покажѣста ученики отъ него отойдутъ, и противлятися будутъ съ еретиками, и отвѣтъ бу-

переворотъ въ нашей умственной жизни, когда старая московская, основанная на крайне односторонней книжной начитанности ученость, вмѣстѣ съ старыми московскими сборниками и другими продуктами старорусскаго писательства, признаны были несостоятельными, неудовлетворяющими болѣе современнымъ запросамъ и потребностямъ жизни; когда признана была необходимость усиленныхъ литературныхъ заимствованій изъ южно-русскихъ произведеній, необходимость болѣе тѣснаго сближенія съ образованными кѣвлянами и греками, чтобы съ ихъ помощію перенести науку въ Москву и при посредствѣ правильно устро-

дуть давать обо всякомъ вопросѣ, и будетъ благодаритися великое ваше царствіе, и всѣ бояре и князи, и будещи оставити вѣчное воспоминаніе въ похвалу и славу отъ всѣхъ царствъ и королевствъ». Съ своей стороны и константинопольскій патриархъ Іоанникій писалъ царю о митрополитѣ Гавриилѣ, что онъ «и богословъ и православный въ родѣ нашемъ, и что произволеть великое ваше царствіе отъ него вопросити отъ богословія и изысканія церковнаго, о томъ будетъ отвѣтъ держати благочестно и православно, якоже восприяла благочестивая Христова великая апостольская и восточная церковь». По и помимо этихъ рекомендацій восточныхъ патриарховъ русское правительство уже ранѣе хорошо знало Гавриила Власія, который, проживая въ Молдавіи въ качествѣ учителя, не разъ присылалъ на Русь, какъ ея доброхотъ, отписки съ политическими вѣстями, и кромѣ того ранѣе прислалъ въ Москву двѣ книги: одна—Мелетія, патриарха александрийскаго, противъ іудеевъ, другая—грамматика, причемъ обѣ книги были писаны «славянскимъ и словенскимъ языкомъ». Такимъ образомъ митрополитъ Гавриилъ удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ, чтобы быть принятымъ въ Москвѣ въ качествѣ учителя: обѣ его православныя, выдающейся учености и способности къ учительству торжественно свидѣтельствовали своими граматами сами восточные патриархи, онъ былъ уже извѣстнымъ доброхотомъ русскаго правительства, онъ зналъ славянскій языкъ и уже ранѣе присылалъ въ Москву книги на греческомъ и славянскомъ языкахъ. А между тѣмъ Гавриилъ не остался въ Москвѣ учителемъ, но былъ отосланъ назадъ, хотя патриархомъ теперь уже былъ Никонъ, предполагаемый ревнитель и поборникъ учрежденія въ Москвѣ школы съ помощію ученыхъ иностранцевъ. Это очень странное явленіе можно бы, пожалуй, объяснить тѣмъ, что Никонъ, вѣроятно, имѣлъ какія-либо вѣскія для него причины не поручать именно Гавриилу устройство въ Москвѣ школы, а хотѣлъ передать это дѣло въ болѣе вѣрныя и лучшія, по его мнѣнію, руки. По въ дѣйствительности этого не было. Изъ всего времени патриаршества Никона мы не только рѣшительно не имѣемъ никакихъ данныхъ, но даже и намековъ на то, чтобы Никонъ сколько-нибудь думалъ и заботился объ устройствѣ въ Москвѣ школы, хотя времени для этого у него было достаточно, а его выдающееся вліятельное положеніе, его тѣсныя связи съ греками и кѣвлянами, давали ему полную возможность быстро и скоро осуществить мысль своего предшественника объ устрой-

енной школы прочно водворить ее здѣсь, — этотъ въ высшей степени важный переворотъ въ нашей духовной жизни начался и въ извѣстной части общества совершился уже при патріархѣ Іосифѣ, время котораго, съ этой стороны, несомнѣнно было временемъ прогрессивнымъ, временемъ того поворота въ умственной жизни русскихъ, который въ концѣ концовъ привелъ ихъ потомъ къ тѣсному сближенію съ образованнымъ Западомъ.

ствѣ въ Москвѣ школы. Между тѣмъ мы видимъ явленіе какъ разъ противоположное: незадолго до патріаршества Никона у насъ идутъ горячія хлопоты о привлеченіи въ Москву ученыхъ, энергичные поиски подходящихъ учителей для задуманной Московской школы; со вступленіемъ же на патріаршій престолъ Никона всѣ эти хлопоты и поиски разомъ прекращаются и вопросъ объ устройствѣ въ Москвѣ школы совсѣмъ сходитъ съ очереди. Ясно дѣло, что вопросъ объ устройствѣ въ Москвѣ школы былъ поднятъ и дѣятельно разрабатывался вовсе не Никонъ, а другими лицами, Никонъ же былъ и навсегда остался къ нему равнодушенъ. Правда, Никонъ имѣлъ у себя подъ рукою нѣсколькихъ ученыхъ грековъ и киевлянъ, но они были оставлены въ Москвѣ не имъ, а еще Іосифомъ и Никонъ воспользовался ими не для устройства въ Москвѣ школы, но только для книжныхъ переводовъ и исправленій.